

Н. О. Магнес

“I AM SICK AND TIRED OF CONFORMING”: ЭМАНСИПАЦИОННЫЙ НАРРАТИВ

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

В работе рассматривается особый тип автобиографического повествования — эмансипационный нарратив, сюжетную основу которого составляют события, подтолкнувшие повествователя к идентификации с феминистскими идеями и ценностями. Эмансипационный нарратив наглядно отражает представления адресанта о факторах культурной, социальной и политической среды, которые могут способствовать или препятствовать феминистской конверсии у женщины; о механизмах, причинах и последствиях конверсии; а также об аксиологических аспектах феминистского самоопределения. Исследование проводилось на материале 152 англоязычных нарративов 2009–2013 гг. (Интернет-посты, комментарии к ним, а также данные электронного сборника *Becoming feminists: An anthology of how we became feminists*), объединенных темами *How did you become interested in feminism? How did you/I become a feminist?* Нарраторами являются жительницы Великобритании, Канады и США (возраст 15–65 лет), эксплицитно заявляющие о своей приверженности феминизму. Библиогр. 40 назв.

Ключевые слова: феминизм, нарратив, нарративная реконструкция событий, повествователь, лиминальный сюжет, феминистская конверсия, гендер, гендерные роли.

“I AM SICK AND TIRED OF CONFORMING”: ON EMANCIPATION NARRATIVES

N. O. Magnes

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The article presents an analysis of emancipation narratives (ENs), or autobiographical stories with a liminal plot which recount the first time the narrators identified with feminist ideas and/or values — an event we will refer to as feminist conversion. The study sample included 152 narratives in English (Internet posts and comments on the topics *How did you become interested in feminism?*; *How did you/I become a feminist?* and the collection *Becoming feminists: An anthology of how we became feminists*. Toronto, 2011). The narratives appeared online in 2009–2013 and were produced by women aged 15–65, all of them residents of the UK, USA and Canada and self-labelled feminists. Our findings suggest that ENs are a valuable source of evidence on the cultural, social and political factors which female narrators consider relevant to feminist conversion, as well as on the mechanisms involved in the narrative reconstruction of causes, consequences and axiological dimensions of conversion. Refs 40.

Keywords: feminism, narrative, narrative reconstruction of life experiences, narrator, liminal plot, feminist conversion, gender, gender.

Проблематика гендерной идентичности представляет собой один из наиболее спорных вопросов теории постфеминизма. Внимание к проблеме привлекли философы антиэссенциалистского направления, представленного, в частности, концепциями перформативной гендерной идентичности (Дж. Батлер) и номадического субъекта (Р. Брайдотти) [Butler; Брайдотти]. В основе данных концепций лежит идея о ситуативном, процессуальном, флюидном характере гендерной идентичности, конституируемой самопрезентационными действиями индивида в конкретных социальных и культурных условиях [West]. Принципиальный отказ

от восприятия идентичности как стабильной и доступной для фиксации влечет за собой фрагментацию категории «женщина» и исключает для женщин возможность единой идентификации как социальной общности. Как отмечают противники антиэссенциализма (см., например, [Benhabib]), данный подход ставит под сомнение практические задачи женского движения и само существование феминизма в поле общественных преобразований [Жеребкина] и научного анализа [Гредновская; Агафонова]. В целях обеспечения реализации феминистского политического проекта в условиях, обозначенных некоторыми авторами как кризис гендерной идентичности [Шоултер], Г. Спивак отмечает необходимость выработки мнимой условно-единой женской идентичности на основе принципа «операционного/стратегического эссенциализма» [Spivak].

Множественность фемининности находит свое закономерное отражение в множественности феминизмов, что позволяет концептуализировать разнообразие женского опыта в зависимости от конкретных социальных, этнических, возрастных и др. факторов [Темкина], но одновременно с этим и проблематизирует существование группальной феминистской (а не только женской) идентичности. Тем не менее, невзирая на дисперсный характер современного феминизма, вопрос о качественных характеристиках феминистской идентичности эмпирического человека может быть рассмотрен в рамках автореферентного дискурса. Под дискурсом мы будем понимать сложное коммуникативное событие, служащее для формирования, организации и оперирования знаниями о мире (см. [Темнова; Кубрякова; Dijk; Jorgensen]), или «вербализованное упорядочивание и упорядоченность разнообразных сфер человеческого опыта» [Варшавская]. Автореферентный дискурс может быть интерпретирован как дискурс, фиксирующий и моделирующий представления говорящего о себе самом [Солодкова]. Самоидентификационные и самооценочные суждения носителей автореферентного дискурса объективируются в текстах особого типа, обозначенных в современной историографии и лингвистике как «эгодокументы», «свидетельства о себе» или «личные свидетельства» (egodocuments, Selbstzeugnisse, life-(self-)writings; подробнее о возникновении, взаимном соотношении и проблемах применения данных терминов в научном обиходе см. [Зарецкий; Greyerz]). Это высказывания разной жанровой принадлежности и протяженности, предметное содержание которых определяется темами, связанными с делами, личным опытом, мыслями и переживаниями адресанта [Dekker]. Эгодокументы служат ценным источником сведений для изучения личности в историческом и социальном контексте [Burke], а также для анализа лингвистических стратегий конструирования идентичности.

Изображение и производство «ситуативно релевантных» [Рождественская] аспектов идентичности нередко осуществляются посредством нарративных форм автореферентного дискурса. В современной лингвистике нарратив рассматривается как одна из основных форм организации памяти, осмысления и интерпретации человеческого опыта, а также формирования и трансляции идентичности человека [Ochberg; Брокмейер; Салиева; Тюпа; Herman]. Процесс нарративного конструирования идентичности обычно осуществляется в виде отбора информации для повествования, интерпретации и присвоения определенных смыслов собственным действиям и действиям окружающих в зависимости от практических и моральных задач индивида [Чернов].

Перспективным материалом для изучения представлений феминисток о качественных характеристиках и процессе формирования феминистской идентичности могут послужить автобиографические повествования о жизненных ситуациях, которые обусловили зарождение у человека первичного интереса к феминизму и, по мнению нарратора, сопутствовали становлению феминистской идентичности. Данная тема обладает высокой нарративной ценностью в феминистском сообществе и образует содержательную основу особого дискурсивного жанра, который мы предлагаем обозначить как *эмансипационный нарратив* (далее — ЭН). В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть некоторые особенности строения ЭН, выявить основные языковые средства нарративной реконструкции явлений, сопровождающих феминистскую конверсию, и определить базовые представления о феминистской идентичности и процессе ее формирования, разделяемые англоязычными феминистками рубежа первого и второго десятилетий XXI в.

Материалом для исследования послужили 152 англоязычных электронных эго-документа — Интернет-сообщения (посты и комментарии к ним), опубликованные с 2009 по 2013 г. и представляющие собой ответы на вопросы типа *How did you become interested in feminism?* или *Why (How) did you/I become a feminist?* (*Как вы впервые заинтересовались феминизмом? Как ты/я стала феминисткой?*). Кроме того, в работе использовались материалы электронного сборника [Becoming Feminists].¹ Все рассмотренные повествования написаны от первого лица женщинами в возрасте от 15 до 50 лет, проживающими в Великобритании, США и Канаде. Адресанты характеризуют себя как феминисток, однако не указывают, какого именно идеологического течения феминизма придерживаются; лишь немногие из них вовлечены в деятельность организованных феминистских объединений или в формирование феминистского научного дискурса. В хронологическом и содержательном плане этот языковой материал может быть соотнесен с явлением феминизма «третьей волны» («нового феминизма»), отличительными особенностями которого, по мнению О. А. Ворониной, являются индивидуализм, необязательность глубокой осведомленности субъекта о теоретических достижениях феминизма первой и второй волн, необязательность участия в организованных социальных акциях и нацеленность на «эмпвауэрмент» — максимальную реализацию женщиной своих политических и экономических возможностей [Воронина].

Одной из основных жанрообразующих характеристик ЭН как автореферентного дискурсивного жанра являются самопрезентационные действия нарратора по информированию аудитории о своей феминистской идентичности. Все авторы рассмотренных нами ЭН употребляют по отношению к себе термин *feminist*: *I have remained a self-labelled **feminist** ever since* (*С тех пор я остаюсь самопровозглашенной **феминисткой***); *As for being a **feminist**, I will definitely admit to that* (*Что касается моей принадлежности к феминизму, я с готовностью признаю, что я **феминистка***). В качестве дополнительного способа самопрезентации можно отметить употребление в письменной речи некоторых лексических и орфографических средств, устойчиво ассоциируемых с феминистским узусом, в том числе восклицания *tu*

¹ Все иллюстративные примеры приводятся с сохранением орфографических и грамматических особенностей оригинала; выделение **жирным шрифтом** внесено автором статьи.

goddess вместо *my god*; обращения *sisters*; написания лексемы *women* в форме *wymn*. При этом в эгодокументах, включенных в нашу выборку, не зафиксировано попыток терминологически корректно определить понятие «феминизм», несмотря на то что последний является очевидно значимым фактом повседневного социального бытия нарраторов. Немногочисленные дефиниции феминизма в большинстве случаев включали содержательные компоненты, которые представляли субъективную значимость для самих адресантов. В итоге каждая из них создавала «свой собственный феминизм», стремясь «отобразить, сконструировать или реконструировать аргументы и перспективы в соответствии со своими потребностями, вкусами и способами познания» [Смейкалова-Стрикланд]. Как выражение апроприации индивидом феминизма активно использовалось словосочетание *my feminism*; определения вводились в текст при помощи дискурсивных маркеров, выражающих авторское отношение к рассматриваемому явлению (*to me, feminism is...*). Таким образом, в рамках ЭН понятие «феминизм» выступает в качестве «изменчивого знака» (термин, используемый в теории дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа [Laclau]), допускающего различное смысловое наполнение в зависимости от конкретных характеристик говорящего. В целом для нарраторов оказалось нетипичным восприятие феминизма только как социально-политического проекта:

(1) *<...> over time we have come to understand that feminism is much more than a social and political movement to end sexist inequality (BF).*

<...> со временем мы пришли к пониманию того, что феминизм — это не только социальное и политическое движение за искоренение сексистского неравенства.

В большинстве проанализированных ЭН феминизм интерпретировался в терминах ментальных установок (*understanding, recognition, clarity*) на выявление и искоренение гендерного неравенства, положительную оценку «женскости» независимо от условий социальной действительности и признание легитимности индивидуальной картины мира:

(2) *My feminism is one that recognizes women's rights as human rights; an understanding of the need to examine power inequity, hegemonic masculinities and pervasive systems of patriarchy (BF).*

Мой феминизм признает, что права женщины есть права человека; это признание необходимости анализировать неравномерное распределение власти, гегемонные маскулинности и всепроникающие системы патриархата.

(3) *To me, feminism is the recognition of our choice and of our worth as women. It is the unwavering sense of pride that accompanies being born a female within whatever society we are born into. It is a sense of pride that provides us with clarity that enables us to embrace our own opinions and be forthcoming with our strengths (BF).*

Для меня феминизм — это признание нашего выбора и нашей ценности как женщин. Это неколебимое чувство гордости за то, что мы родились женщинами — независимо от характера нашего общества. Это чувство гордости, которое помогает нам принять собственные убеждения и задействовать свою силу.

В период постмиллениума феминизм занимает устойчивое положение в социальном и культурном пространстве развитых англоязычных стран, поэтому приверженность идеям гендерного равенства воспринимается как обыденное явление в рассматриваемом социуме. В связи с этим ряд повествований содержит указания на самоочевидность феминистской идентичности для ее носительницы:

(4) *It's like asking why I believe the sky is blue; this stuff is obvious* (RI).

Все равно что спрашивать, почему я считаю, будто небо голубое; это очевидность.

В таких условиях феминистская конверсия может пройти незамеченной, хотя и имеет определяющее значение для дальнейшей жизни индивида. Отчасти поэтому некоторые повествовательницы затруднялись с определением точных временных координат конверсии:

(5) *It's hard to say just when I started to consider myself a feminist* (LT).

Сложно сказать, когда именно я стала считать себя феминисткой.

(6) *I can't remember ever not being a feminist, even before I knew what the word meant* (RI).

Я не помню, когда не была феминисткой; <я стала ею> еще до того, как узнала, что означает это слово.

Отметим, что ответы интернет-пользователей на вопрос *How did you become a feminist?* зачастую сопровождаются маркером hesitation, свидетельствующим о сложности заданного вопроса для адресанта:

(7) *ummm... sometimes I think I was born a feminist* (LT).

М-м-м-м... иногда я думаю, что родилась феминисткой.

В ряде случаев момент прихода к феминизму не определяется потому, что конверсия ощущается адресантом как длительный, постепенный или незавершенный процесс:

(8) *This identity which I hold VERY near to my heart took a while to warm up to* (NF).

Для того чтобы я сроднилась с этой идентичностью, ОЧЕНЬ близкой моему сердцу, потребовалось время.

Временные координаты данного процесса могут быть обозначены довольно размыто. При этом обстоятельства времени относят процесс формирования феминистской идентичности к периоду неопределенной давности (*long ago; since I was young*) либо квалифицируют этот процесс как панхроничный, включенный в сферу прошлого, настоящего и будущего (*back then, but now and later too*):

(9) *Feminism always fascinated me since I was young* (LT).

Феминизм всегда интересовал меня, с самой юности.

(10) *I cannot answer the question of when. Long ago, back then, yes, but now and later, too: the temporality is tricky. Becoming: present participle of to become, an ongoing action in the present* (BF: 47).

Не могу ответить на вопрос «когда». Давно, в прошлом; да, но и теперь, и позднее — точный момент назвать трудно. Становление: от глагола «становиться», действие, находящееся в развитии в настоящее время.

Размытость момента феминистской конверсии может быть связана с восприятием нарраторами собственной идентичности как множественной, гибридной и подвижной — представление, формированию которого благоприятствует предположительное знакомство коммуникантов с постфеминистскими философскими концепциями, в частности с теорией интерсекциональности (пересекающихся идентичностей [Crenshaw]). Некоторые из нарраторов указывают на субъективную ценность «их» феминизма как платформы для творческого и целенаправленного конструирования, осмысления и интеграции множественных этнических и особенно гендерных аспектов своего Я, порой противоречивых:

(11) *I've learned to live strategically and creatively between dominant ideas of women, race, culture, and sexualities. At this moment, my feminism is about exploring the in-between, and knowing there are choices. It's about building my own identities as I explore the rich facets of myself as a questioning queer, sometimes gender bending², Polish and Ukrainian girl, who has East Indian and Irish ethnic roots (BF).*

Я научилась жить стратегически и креативно между доминантными представлениями о женщине, расе, культуре и сексуальностях. Сейчас мой феминизм — это освоение пограничного и признание возможностей выбора. Это формирование моих собственных идентичностей в процессе исследования богатых граней моей личности как **вопрошающей квир- (а иногда испытывающей гендер на прочность) поляко-украинки с восточноиндийскими и ирландскими этническими корнями.**

Порождение нарратива как разновидности событийного дискурса делает возможным «актантный фактор вторжения, целенаправленно или случайно прерывающий, искажающий, трансформирующий естественную или нормативную последовательность состояний, ситуаций, действий» [Тюпа]. В ЭН роль такого фактора обычно играет изменение ментальных установок индивида, связанное с формированием феминистской идентичности и приводящее к реинтерпретации гендерных ролей, практик и институтов; в дальнейшем мы будем называть такое явление **феминистской конверсией**. В рассматриваемом нарративном жанре феминистская конверсия наделяется событийным статусом благодаря интерпретации данного изменения как определяющего фактора для последующего поведения, ценностных ориентаций и душевного состояния нарратора; она обладает основными конститутивными характеристиками события, выделенными и обозначенными В. Шмидом (релевантность, непредсказуемость, консекутивность, необратимость и неповторяемость) [Шмид].

Момент идентификации с феминизмом занимает ключевое место в сюжете ЭН и четко сегментирует жизненную траекторию героини на две части — до феминистской конверсии и после нее. По сути, ЭН представляет собой нарратив с лиминальным строением. Такой тип текста отражает процесс социальной трансформации субъекта, в ходе которой данный субъект сначала отделяется от привычной социокультурной структуры, а затем попадает в статусно неопределенное «лиминальное» состояние; преодолев его, субъект обретает новое социальное качество (подробнее о категории лиминальности см. [Тюпа; Ратиани]). Рассмотренные нами ЭН в основном следовали единой схематичной структуре, репрезентирующей процесс становления феминистской идентичности: 1) *стадия предконверсии* (условия, на фоне которых происходит трансформация идентичности женщины); 2) *стадия конверсии* (кризис идентичности; осознание героиней своих ролевых ограничений; отказ соответствовать традиционным представлениям о фемининности и поддерживать консервативный гендерный порядок) и 3) *стадия постконверсии* (обусловленные конверсией изменения в сознании, поведении женщины и ее социальной

² Понятие *gender bending* (дословно «изгибание (нарушение) гендера»), пока, насколько нам известно, не имеющее устоявшегося терминологического эквивалента в русском языке, означает поведение, противоречащее традиционным гендерным ролевым ожиданиям, демонстрацию гендерно «атипичных» особенностей внешности или поведения. Гендер-бендинг зачастую представляет собой попытку оспорить легитимность данных ожиданий или практикуется как форма противостояния трансфобии.

среде). Основные содержательные характеристики данных компонентов ЭН будут рассмотрены нами ниже.

Наиболее значимым фактором социального контекста, в котором происходит становление гендерной идентичности человека, является родительская семья: «гендер в той же мере конституирует семью, в какой он, в свою очередь, конструируется и воспроизводится ею» [Лауретис]. Поэтому на стадии предконверсии ЭН содержит детальные сведения о распределении ролей и функций между родителями, о вовлечении родителей в отношения гендерной власти и контроля в экономической и психологической сфере:

(12) <...> *my mother worked intermittently in factories or cleaning to supplement the family income. My father didn't want her to work (a slight on his ability to provide) and never told her what he earned!* (JW).

<...> *моя мать временно подрабатывала то на фабрике, то уборщицей, чтобы увеличить доходы семьи. Отец не хотел, чтобы она работала (это унижало его способности как кормильца), и никогда не говорил ей, сколько он зарабатывает!*

Все нарраторы подчеркивали функцию родителей как основных агентов гендерной социализации ребенка. Отмечается наличие или отсутствие принуждения детей к выполнению определенных гендерных ролей, а также степень настойчивости родителей в плане импозиции своих гендерных установок (например, насколько толерантно родители относились к выбору девочками «нефемининных» игрушек, одежды или занятий). Адъективные определения *liberal*, *conservative*, *modern*, *old-fashioned* позволяют характеризовать родителей как авторитарных или демократичных, а гендерные роли — как более или менее традиционные:

(13) *My parents were fairly liberal. They mostly stuck to traditional roles — my mom would do most of the cooking and cleaning for example — but there wasn't much insistence that this was how it had to be. If my sister and I wanted to play with boys' toys, or wanted to enter a 'male' profession, my parents were fine with that, never suggesting it was strange* (LT).

Мои родители были довольно либеральными людьми. Они обычно придерживались традиционных ролей, — например, мама чаще готовила и убирала, — но никто особенно не настаивал на том, что именно так все и должно быть. Если мы с сестрой хотели играть в игрушки для мальчиков или выбрать «мужскую» профессию, родители не возражали и никогда не говорили, что в этом есть что-либо странное.

В фокус внимания нарратора попадает и степень удовлетворенности родителей своей семейной жизнью:

(14) *She was certainly happily married and happily having children* (LT).

Она (мать героини. — Н. М.) была **очень счастлива** замужем и **счастлива** в материнстве.

Распространенным нарративным приемом являются интердискурсивные вкрапления в форме прямого или косвенного цитирования чужой речи, транслирующей гендерные установки взрослых членов семьи. В ряде случаев родители нацеливают девочку на соответствие традиционным нормам женственности (*get married, have babies like every other girl*), отклонение от которых рассматривается как недопустимое; индивидуальные жизненные приоритеты и устремления девочки могут при этом игнорироваться:

(15) *I did not dream of becoming anyone's wife; at twelve, I dreamt of becoming an English professor or Canada's representative to the United Nations. I spoke of these things to my mother. **She looked worried, said nothing.** I spoke to my father. "What is the girl talking about?" he exclaimed. "She'll get married and have babies like every other girl." While a part of me wondered why I was so out of step, **such words and responses grated on me, and in that grating lay the beginnings of my feminism** (BF:14).*

Я не мечтала о том, чтобы стать чьей-то женой; в двенадцать лет я мечтала стать профессором английского языка или представителем Канады в ООН. Я поделилась этим с матерью. **Она встревожилась, но ничего не сказала.** Я поделилась с отцом. «**Что она несет, эта девчонка? — воскликнул он. — Выйдет замуж и будет рожать детей, как все остальные девушки.**». И хотя я спрашивала себя, почему же я не такая как все, **эти слова, эта реакция ранили меня, и именно эта рана стала началом моего феминизма.**

Как видно из приведенного фрагмента, нормирующая коммуникация, воспроизводящая содержательные характеристики патриархатного дискурса, может осуществляться в рамках некооперативной стратегии общения со стороны взрослых. Когда дочь пытается поделиться с родителями своими мечтами (она хотела бы отложить вступление в брак, заняться преподавательской деятельностью, представлять свою страну в ООН), отец увеличивает коммуникативную дистанцию по отношению к ней, используя местоимение *she* и определенную дескрипцию *this girl* вместо *you*. Мать вовсе уклоняется от словесной реакции на сообщение дочери, но демонстрирует беспокойство на невербальном уровне. Все это усугубляет негативный перлокутивный эффект (*grating*) от нормирующего высказывания *She'll get married and have babies like every other girl*.

Тем не менее многие нарраторы сообщали, что матери настойчиво ориентировали их не только на успешную самореализацию в семье и материнстве, но и на достижение экономической самостоятельности. В выборке встречались и упоминания о случаях «позитивной дискриминации». Так, одна из нарраторов вспоминает, что ее бабушка предпочла вложить свои сбережения в образование дочерей, а не сыновей, чтобы компенсировать дефицит социальных факторов, благоприятствующих реализации женщин в профессиональной сфере:

(16) *As my grandmother explained it, **society would help her son's achieve but would limit her daughters' opportunities. She wanted her daughters to have a full range of life choices and that's where she would put her dollars*** (LT).

Как объясняла бабушка, общество устроено так, что сыну будет проще прожить в жизни, а у дочерей возможности будут ограничены. Она хотела, чтобы для ее дочерей были открыты все пути; на это она и потратила свои деньги.

Широкое распространение феминизма в Великобритании и Северной Америке налагает отпечаток на стратегии воспитания. В некоторых ЭН отражены активные действия родителей по передаче представлений о гендерном равенстве и ознакомлению детей с основными понятиями феминистской социальной теории (*patriarchy, sexism*), а также по раннему обучению детей альтернативным гендерным ролям и социальным навыкам:

(17) *I grew up with a second-wave feminist. My mother brooked no sexist fools. <...> **My siblings and I could define patriarchy before we were twelve and we knew all to well***

how virulent sexism was. In sixth grade I nearly stopped talking to my best friend because she was pro-life (AC).

Моя мама была феминисткой второй волны. Она не переносила дураков-сексистов. <...> *Мы с сестрами/братьями могли дать определение слову «патриархат» еще до того, как нам исполнилось двенадцать, и четко знали, как опасен сексизм. В шестом классе я чуть не рассорилась с лучшей подругой, потому что она была против абортов.*

Тем не менее даже при таком высоком уровне осведомленности о феминизме в детстве, героини могли впоследствии пережить конверсию в результате непосредственного контакта с сексизмом в старшем возрасте.

Влияние ближайшего социального окружения подкрепляют или размывают региональные, классовые, религиозные факторы, а также исторические события и процессы, определяющие гендерную социализацию женщины:

(18) *Being brought up in a family with very liberal ideas and politics helped to lay foundations, though our High Anglican Church might have undone all those good influences, had it not been the 1960s with all the radical politics around then* (LT).

Основы <моего мировоззрения> помогло заложить либеральное воспитание в семье, хотя **высокая англиканская церковь, наверно, уничтожила бы это благотворное влияние, если бы дело не происходило в шестидесятые годы, время радикальных политических изменений.**

На предконверсионной стадии патриархатные гендерные отношения могут восприниматься некритично как самой женщиной, воспроизводящей консервативные гендерные модели поведения, так и ее близкими. Положение героини мыслится как соответствующее социальным ожиданиям и традициям («нормальная жизнь»). Об этом сигнализирует использование дескрипторов со значением «обычный» по отношению к условиям жизни героини (прилагательные *ordinary, usual, normal*; глагольные структуры *be expected/supposed* + инф. и т. д.):

(19) *There is not much in my background to account for my interest in feminist theory: ordinary family, male breadwinner, everything was as it was supposed to be* (LT).

Немногое в моей биографии способно объяснить мой интерес к феминистской теории: **обычная семья, мужчина-кормилец, все было так, как полагалось.**

В целом данная стадия ЭН фиксирует интериоризированные социальные нормы и ту привычную жизненную систему, от которой впоследствии откажется нарратор в результате гендерно-ролевого кризиса и наступления феминистской конверсии.

Многие из повествовательниц отмечали, что первый опыт феминистской самоидентификации был связан для них с дискретными жизненными событиями. Импульсом к конверсии обычно является столкновение женщины с мизогинией, гендерной дискриминацией, асимметричным распределением материальных и символических ресурсов между полами [Leaper].

Конверсионные события могут носить трагический, опасный для жизни, здоровья и душевного благополучия героини характер. Так, в примере (20) девочка-подросток становится жертвой гендерного абьюза в семье, но находит силы противостоять агрессии отца и спасти от насилия мать — событие, послужившее началом феминистской конверсии:

(20) *My father raped me again. I pleaded again to my mother to leave him. She said, pick up your clothes and get dressed, carry on.*

But not for long.

I stopped his arm when he raised it to wack me. Of course, later at home he beat my mother in front of me. Finally, I dragged her out of the farm house on New Year's Eve. Me with my small zippered suitcase made of lime green patterned canvas and my stuffed rabbit. At a neighbour's, him pounding at the door, her sobbing under the covers, me screaming at her to shut up (BF, с. 51).

Меня снова изнасиловал отец. Я снова умоляла мать, чтобы та ушла от него. Оденься, приведи себя в порядок, сказала она, надо жить дальше.

Но это продолжалось недолго.

Я перехватила его руку, когда он замахнулся, чтобы ударить меня. Конечно же, позднее, дома, он избил мать у меня на глазах. В конце концов я силой увела ее с нашей фермы — прямо под Новый год. Из вещей у меня был с собой только маленький ярко-зеленый чемоданчик на молнии и плюшевый кролик. Мы укрылись у соседей; отец ломился к нам в дверь, мать всхлипывала под одеялом, а я кричала, чтобы она заткнулась.

В рассматриваемом ЭН действия мужчины-агрессора выражены глаголами интенсивного болевого воздействия (*raped; to wack; beat*), объектами которого выступают женщины, а также звукоподражательным глаголом физического воздействия, которое направлено на неодушевленный предмет (*pounding at the door*) и одновременно выражает готовность насильника к агрессии в отношении жены и дочери. Интересно, что женские персонажи нарратива реализуют две противоположные модели фемининности. Поведение матери соответствует традиционной гендерной модели, ориентированной на подчинение, пассивность и зависимость, невзирая на явную опасность такого поведения в рассматриваемой ситуации. Наличие внешнего локуса контроля у носительницы этих гендерных установок выражается в том числе на уровне актантной структуры предложений. Существительное *mother* и его местоименный субститут выражают семантическую роль пациента в большинстве конструкций с участием глаголов физического воздействия (*he beat my mother; I dragged her*) и адресата в конструкциях с глаголами речевой деятельности (*I pleaded to my mother; me screaming at her to shut up*). Сама мать реально предстает в роли агенса только дважды: как субъект эмоциональных проявлений страха и отчаяния (*her sobbing*) и как адресант нормирующего высказывания *pick up your clothes and get dressed, carry on*, которое нацеливает дочь на саморазрушительное поведение ради сохранения дисфункциональной семьи. Дочь репрезентирует модель агентивной женственности с внутренним локусом контроля и акцентом на личную автономию, ответственность, сопротивление насилию. Трагичность положения героини подчеркивается включением в повествование значимых деталей: скромное имущество девочки, свидетельствующее о ее крайней материальной незащищенности (*my small zippered suitcase*) и юном возрасте («несерьезный» цвет чемоданчика; любимая игрушка, взятая с собой); темпоральные характеристики события (*on New Year's Eve*).

Нередко стимулом к конверсии служит экономическая уязвимость женщины, возникающая в брачных или партнерских отношениях, а также вследствие гендерной дискриминации в профессиональной сфере:

(21) *I confronted gendered discrimination when I was pregnant with my second child. Faced with being removed from my school because I had requested half-time status, I was able to reflect on the discrimination of women in the workplace (BF, с. 21).*

Я столкнулась с гендерной дискриминацией во время своей второй беременности. Меня чуть не уволили из школы, когда я попросила разрешения работать на полставки, и тогда я задумалась о дискриминации женщин на рабочем месте.

Конверсия может происходить и под влиянием неприятных для нарратора, но в целом вполне обыденных происшествий, представляющих собой формы бытовой гендерной дискриминации. Локальный масштаб таких событий находит отражение в выборе дескрипторов: существительное *trifle*; сочетания существительных *thing, event, happening* с определениями *small, insignificant, usual, common, everyday*, например:

(22) *I think my interest stems from frustration with rather **small happenings*** (LT).

Думаю, что мой интерес <к феминизму> появился под влиянием **незначительных происшествий**, которые вызывали у меня недовольство.

Как правило, в ходе таких событий героиня осознает, что ее стремление к соответствию традиционным гендерным нормам, ее «помощь» в ретрансляции гендерных поведенческих моделей господства и подчинения [Пушкарева] истощают ее жизненные ресурсы (время, силы), но не приносят ожидаемых благ:

(23) *All my time and effort had gone to the pursuit of male attention. I had gotten it. So why was I miserable?* (BF: 7–8).

Все мое время и силы были направлены на то, чтобы получить внимание мужчин. И я его получила. Так почему же я чувствовала себя такой несчастной?

Возникает понимание того, что сущность фемининной гендерной роли определяется тягостными, а иногда и унижительными для женщины ограничениями, которые тем не менее должны соблюдаться ради комфорта окружающих и во избежание социальных санкций (общественное порицание, неодобрение). Навязанный характер таких ограничений выражается использованием модальных глаголов долженствования:

(24) *Why **should** I be the one cooking, and why **should** I have to learn how in advance, for someone else's benefit? <...> Why **did I have** to wear a dress when I was more comfortable in pants, especially when boys talked about how they liked to stare at our legs and thought it was funny to lift up our skirts?* (LT).

Почему я **должна** готовить, почему мне **обязательно нужно** заранее учиться чему-то ради чужого блага? <...> Почему меня **заставляют** носить платье, когда мне удобнее в брюках, а мальчики между тем болтают о том, как им нравится рассматривать наши ноги, и считают забавным задирать девочкам юбки?

Столкновение с мизогинией и ситуация ролевого конфликта сопровождаются «личным ощущением несправедливости» [Коваленко], которое представлено широким спектром негативных эмоциональных реакций у героини повествования (усталость, фрустрация, раздражение, гнев): (25) *I am **sick and tired** of conforming to what men think I should be* (LT) (Мне **надоело** подстраиваться под мужские представления о том, какой я должна быть); (26) *These things made me **angry*** <...> (LT) (Все это пробудило мой **гнев**); (27) *It **incensed** me* (AC) (От этого я **вскипела**); (28) *It **tipped me over the edge*** (LT) (Мое **терпение лопнуло**). Кроме того, героиня испытывает ментальный дискомфорт при получении новой, тревожной информации о своем социальном пространстве. Языковыми маркерами этого состояния зачастую являются риторические вопросы: (29) *Either something was wrong with me, or something was profoundly amiss with the world. **How does one know which?*** (BF, с. 14)

(Либо что-то не так со мной, либо мир устроен неправильно. **Как понять, что из этого верно?**); см. также пример (24) выше.

Разрешение кризиса идентичности, которое происходит в результате феминистской конверсии, нередко метафоризируется в терминах излечения от слепоты, прозрения или пробуждения (*seeing the light, waking up, awakening*):

(30) *Feminism <...> has given me clear eyes with which to see new visions (BF).*

Феминизм <...> **раскрыл мне глаза** и дал возможность видеть по-новому.

Ввиду того, что катализатором конверсии в ряде случаев выступало знакомство с интеллектуальным наследием феминизма, для данной стадии ЭН типично упоминание прецедентных имен, имеющих высокую значимость в контексте женского движения. Так, в примере (31) повествовательница ссылается на монографию «Общность» американской писательницы и общественной деятельницы белл хукс, одного из крупнейших теоретиков современного антирасистского («черного») феминизма:

(31) *There was something in reading bell hooks' Communion that affected me in my core. I discovered for the first time a secret community, a sacred history, a road map I could live by (BF, с. 73).*

В «Общности» белл хукс было что-то такое, что поразило меня до глубины души. Мне впервые открылось тайное сообщество, священная история, карта пути, с которой я могла сверять свою жизнь.

Переживая конверсию, героиня берет на себя морально-этические обязательства, которые будут определять ее мировосприятие и поведение в контексте новой идентичности. Этот этап нарратива нередко сопровождается употреблением перформативных глаголов со значением обещания/клятвы (*promise, vow, swear*):

(32) *I read Betty Friedan's The Feminine Mystique and swore I would never become a suburban housewife (LT).*

Я прочла «Загадку женственности» Бетти Фридан и **покаялась, что никогда не стану такой «пригородной домохозяйкой» среднего класса.**

Феминистская конверсия и ее последствия получают в рамках ЭН позитивную оценочную интерпретацию. Сегмент ЭН, содержащий описание постконверсионного периода жизни нарратора, отличается высокой концентрацией лексико-грамматических и образных средств создания положительной оценочности, характеризующих данный период как эмоционально и социально благополучный, с каскадом положительных изменений в матрице социальных отношений и самовосприятию героини:

(33) *The realization led to endless amazing things for me. <...> In my service learning class with Dr. Margaret Brabant, I asked if there was a women or girls' organization I could work with. She found me a connection to a girls organization in town. The service learning turned into an internship which turned into a job. This job led me to realize that the non-profit world is where my heart is <...>. And when Ronald and I moved to Austin, it all led me to another amazing feminist nonprofit, and fulfilling work that feeds my soul (NF).*

После осознания в моей жизни произошло множество удивительных перемен. <...> На занятии по основам социальной работы я спросила свою преподавательницу, доктора Маргарет Брабант, не знает ли она какую-нибудь организацию для женщин или девушек, с которой я могла бы сотрудничать. Она направила меня в молодежную женскую организацию в нашем городе. Учебные занятия переросли

в стажировку, стажировка — в постоянную работу. Начав работать, я поняла, что деятельность в некоммерческой организации — это именно **то, к чему лежит мое сердце** <...>. А когда мы с Рональдом переехали в Остин, я устроилась в другую замечательную феминистскую некоммерческую организацию и нашла работу, **которая приносит мне удовлетворение и дает пищу для души**.

Большинство из рассмотренных нами ЭН отражали представление о том, что феминистская идентичность воспроизводится в практиках повседневного межличностного взаимодействия. Сформированная феминистская идентичность коррелировала с попытками героини повествования активно воздействовать на свое социальное окружение — распространять знания о феминизме, добиваться изменения асимметричных гендерных установок у других лиц (родных, друзей, однокурсников), противостоять мизогинии и мизандррии:

(34) <...> *by the time I turned 17 I was having heated discussions about women's equality with the boys at school* (LT).

<...> *когда мне исполнилось 17, я вступала с мальчишками из школы в горячие споры о женском равенстве*.

(35) *I've given friends books to read in an attempt to open their eyes and show them the battle is not won* (LT).

Я раздаю книги друзьям, пытаюсь открыть им глаза и доказать, что победа в этой борьбе еще не одержана.

(36) <...> *I remember championing the one boy in my Women and Literature In the Twentieth Century (taught by Margaret Reynolds when the other women in the group were mean to him for, well, being a man <...>* (LT).

<...> *Помню, как на семинаре «Женщины и литература XX века» (вела занятия Маргарет Рейнолдс) я вступилась за одного молодого человека, когда другие студентки стали нападать на него просто за то, что он мужчина*.

При этом стабилизация феминистской идентичности сопровождается крайне болезненным восприятием проявлений асимметричного гендерного порядка:

(37) *I've noticed a change in my perception of the relationships I have, and have become almost painfully aware of the female-male power balance* (LT).

Я заметила, что по-другому воспринимаю свои взаимоотношения и теперь почти до боли ощущаю этот баланс власти между мужчиной и женщиной.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ЭН представляет собой развернутое повествовательное автоидентифицирующее высказывание, которое обладает функциями самообоснования и манифестирует представления о характеристиках феминистской идентичности (достижимость, сопротивление навязанным гендерным установкам, агентивность, положительная аксиологическая оценка). Формирование феминистской идентичности у индивида в пространстве ЭН соотносится с действием предрасполагающих или препятствующих средовых факторов микроуровня (семья, ближайшее социальное окружение), мезоуровня (социальные институты) и макроуровня (общеисторический, политический и социальный контекст). Акт феминистского самоопределения субъекта при контакте с мизогинией интерпретируется как пороговое событие, характеризующееся большей или меньшей четкостью временных координат и высокой субъективной значимостью («консекутивностью»), связанной с трансформацией женской идентичности в результате сделанного этического выбора.

Литература

- Агафонова Е. Е. Анализ проблемы идентичности в постмодернистском феминизме: автореф. дис. ... канд. соц. наук. М., 2010.
- Брайдотти Р. Путем номадизма // Введение в гендерные исследования. Часть II: Хрестоматия. СПб.: Алетей, 2001. С. 136–163.
- Брокмейер И., Харре Р. Нарратив: проблемы и обещания одной альтернативной парадигмы // Вопросы философии. 2000. № 3. С. 29–42.
- Варшавская А. И. Языковые единицы и отношения совместности. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 199.
- Воронина О. А. Проблема идентичности в феминизме постмодерности // Философия и культура. № 9 (45). 2011. С. 61–75.
- Гредновская Е. В. Кризис гендерной идентичности: дискурсы и практики (социально-философский аспект анализа): автореф. дис. ... канд. филос. наук. Екатеринбург, 2007.
- Жеребкина И. Противоречия в теории современного феминизма. URL: http://www.owl.ru/win/info/we_my/2000_sp/04.htm (дата обращения: 14.02.2015).
- Зарецкий Ю. Свидетельства о себе «маленьких» людей: новые исследования голландских историков. URL: visantrop.rsuh.ru/article.html?id=1167089 (дата обращения: 04.03.2015).
- Коваленко Е. Н. Основные понятия политического дискурса российского феминизма в сети Интернет. URL: polit.psu.ru/vestnik/kovalenko.htm (дата обращения: 25.04.2015).
- Кубрякова Е. С. О термине «дискурс» и стоящей за ним структуре знания // Язык. Личность. Текст: сб. статей к 70-летию Т. М. Николаевой. М.: Языки славянских культур, 2005. С. 23–33.
- Лауретис Т. де. Риторика насилия // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 351.
- Пушкарева Н. Л. Как заставить заговорить пол? (Гендерная концепция как метод анализа в истории и этнологии). URL: journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2000/Pushkareva_2000_2.pdf (дата обращения: 25.03.2015).
- Ратиани И. Теория лиминальности. Проблема современного литературоведения. URL: irmaratiანი.ge/teoria.htm (дата обращения: 02.12.2013).
- Рождественская Е. Ю. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2010. № 30. С. 5–26.
- Салиева Л. К. Нарративный анализ. История и современность. Сферы приложения. URL: istina.msu.ru/media/publications/article/076/cf6/2967914/_doc_1.pdf (дата обращения: 20.05.2015).
- Смейкалова-Стрикланд И. Нужен ли феминизм чешским женщинам? // Антология гендерной теории. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 382.
- Солодкова Е. В. Женский автореферентный дискурс в английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2012.
- Темкина А. А. Феминизм: Запад и Россия // Преображение (Русский феминистический журнал). 1995. № 3. С. 5–17.
- Темнова Е. В. Современные подходы к изучению дискурса // Язык, сознание, коммуникация. М.: МАКС Пресс, 2004.
- Тюпа В. М. Очерк современной нарратологии. URL: philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_05/cs05tura.pdf (дата обращения: 11.02.2015).
- Тюпа В. М. Нарратив и другие регистры говорения // Narratorium. 2011. № 1–2. URL: narratorium.rggu.ru/article.html?id=2027584 (дата обращения: 18.03.2015).
- Чернов А. Ю. Нарративный анализ стратегий самораскрытия женщин с лесбийской идентичностью // Российский психологический журнал. 2009. Т. 6., № 2. URL: rpj.sfedu.ru/index.php/rpj/article/viewFile/395/607 (дата обращения: 18.05.2015).
- Шмид В. Проза как поэзия. СПб.: Инапресс, 1998. С. 268–269.
- Шоуолтер Э. Наша критика // Современная литературная теория. Антология. М.: Флинта, 2004. С. 314–333.
- Becoming Feminists: An anthology of how we became feminists / eds L. M. Gajardo, J. Ryckman. Toronto, 2011. URL: oise.utoronto.ca/cwse/UserFiles/File/Becoming%20Feminists.pdf (дата обращения: 20.11.2013).
- Benhabib S. Feminism and postmodernism: An uneasy alliance // Feminist Contentions. A Philosophical Exchange. URL: marxists.org/subject/women/authors/benhabib-seyla/uneasy-alliance.htm (дата обращения: 14.02.2015).
- Burke P. Representations of the self from Petrarch to Descartes // Rewriting the self: histories from the Middle ages to the present / ed. by Roy Porter. London, 1997. P. 17–28.

- Butler J. Gender trouble: Feminism and the subversion of identity. New York; London, 1999.
- Crenshaw K. Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. P. 1241–1299.
- Dekker R. Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century // Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700 / ed. by Erin Griffey. Hull: ALCS, 1999. (Crossways Vol. 5). P. 255–284.
- Dekker R. Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history // Memoria y Civilización. Anuario de Historia. 2002. № 5. P. 13–37.
- Dijk T. A. van. The study of discourse // Discourse as structure and process. London: Sage, 1997. P. 1–34.
- Greyerz K. von. Ego-documents: The last word? URL: univie.ac.at/igl.geschichte/griesebner/Wise10_11/Materialien_Dipldiss/greyerz.pdf (дата обращения: 14.03.2015).
- Herman D., Vervaeck B. Postclassical Narratology // Routledge Encyclopedia of Narrative Theory / eds David Herman, Manfred Jahn and Marie-Laure Ryan. New York, 2005. URL: books.google.ru/books?id=1O4FzO0ORAAC&printsec (дата обращения: 15.02.2015).
- Jorgensen M. W., Phillips L. J. Discourse analysis as theory and method. London: Sage, 2002.
- Laclau E., Mouffe C. Hegemony and socialist strategy. London: Routledge, 1985.
- Leaper C., Arias D. M. College women's feminist identity: A multidimensional analysis with implications for coping with sexism // Sex Roles. 2011. N 64 (7–8). P. 475–490.
- Ochberg R. L. Life stories and storied lives // Exploring Identity and Gender / eds A. Lieblich and R. Johnson. Thousand Oaks, London: Sage, 1994.
- Spivak G. In other worlds: Essays in cultural politics. New York: Routledge, 1988.
- West C., Zimmerman D. H. Doing gender // Gender and Society. 1987. Vol. 1, № 2. P. 125–151.

Для цитирования: Магнес Н. О. «I am sick and tired of conforming»: эманипационный нарратив // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 2. С. 32–48. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.204

References

- Agafonova E. E. *Analiz problemy identichnosti v postmodernistskom feminizme*. Autoref. diss. kand. sots. nauk [Analysis of the problem of identity in post-modernist feminism. Thesis of PhD]. Moscow, 2010. 29 p. (In Russian)
- Braidotti R. Putem nomadizma [By the path of nomadism]. *Vvedenie v gendernye issledovaniia. Chast' II: Khrestomatiia [Introduction onto gender studies. Part II. Anthology]*. St. Petersburg, Aleteja Publ., 2001, pp. 136–163. (In Russian)
- Brokmeier I., Kharre R. Narrativ: problemy i obeshchaniia odnoi al'ternativnoi paradigmy [Narrative: Problems and prospects of one alternative paradigm]. *Voprosy filosofii*, 2000, vol. 3, pp. 29–42. (In Russian)
- Varshavskaia A. I. *Iazykovye edinity i otnosheniia sovместnosti [Language units and collocations]*. St. Petersburg, St. Petersburg University Press, 2008. 326 p. (In Russian)
- Voronina O. A. Problema identichnosti v feminizme postmoderniti [Identity in post-modern feminism]. *Filosofia i kul'tura [Philosophy and Culture]*, 2011, vol. 9 (45), pp. 61–75. (In Russian)
- Grednovskaia E. V. *Krizis gendernoi identichnosti: diskursy i praktiki (sotsial'no-filosofskii aspekt analiza)*. Autoref. diss. kand. filos. nauk [Crisis of gender identity: Discourses and practices (Social and philosophical aspect of the analysis)]. Thesis of PhD]. Ekaterinburg, 2007. 26 p. (In Russian)
- Zherebkina I. *Protivorechiia v teorii sovremennogo feminizma [Contradictions in the theory of modern feminism]*. Available at: http://www.owl.ru/win/info/we_my/2000_sp/04.htm. (accessed 14.02.2015). (In Russian)
- Zaretskii Iu. *Svidetel'stva o sebe «malen'kikh» liudei: novye issledovaniia gollandskikh istorikov [Notes about oneself of the "little" people: New research of the Dutch historians]*. Available at: visantrop.rshu.ru/article.html?id=1167089 (accessed 04.03.2015). (In Russian)
- Kovalenko E. N. *Osnovnye poniatiia politicheskogo diskursa rossiiskogo feminizma v seti Internet [Basic concepts of political discourse of the Russian feminism in the Internet]*. Available at: polit.psu.ru/vestnik/kovalenko.htm. (accessed 25.04.2015). (In Russian)
- Kubriakova E. S. O termine «diskurs» i stoiashchei za nim strukture znaniia [On the term “discourse” and a structure of knowledge behind it]. *Iazyk. Lichnost'. Tekst: sbornik statej k 70-letiju T. M. Nikolaevoj [Language. Personality. Text: Collection of papers for the 70th anniversary of T. M. Nikolaeva]*. Moscow, LRC Publishing House Publ., 2005, pp. 23–33. (in Russian)

Lauretis T.de. Ritorika nasiliia [The Violence of Rhetoric]. *Antologija gendernoi teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk, Propilei Publ., 2000, pp. 347–372. (In Russian)

Pushkareva N.L. *Kak zastavit' zagovorit' pol?* (Gendernaia kontseptsia kak metod analiza v istorii i etnologii) [How to compel a gender speak? (gender concept as a method of analysis in history and ethnology)]. Available at: journal.iea.ras.ru/archive/2000s/2000/Pushkareva_2000_2.pdf. (accessed 25.03.2015). (In Russian)

Ratiani I. *Teoriia liminal'nosti. Problema sovremennogo literaturovedeniia* [Theory of liminality. Problem of modern literature studies]. Available at: irmaratiani.ge/teoria.htm. (accessed 02.12.2013). (In Russian)

Rozhdestvenskaia E. Iu. Narrativnaia identichnost' v avtobiograficheskom interv'iu [Narrative identity in autobiographical interview]. *Sotsiologija: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 2010, vol. 30, pp. 5–26. (In Russian)

Salieva L.K. *Narrativnyi analiz. Istorija i sovremennost'. Sfery prilozhenia* [Narrative Analysis. History and Modernity. Areas of Application]. Available at: istina.msu.ru/media/publications/article/076/cf6/2967914/_doc_1.pdf. (accessed 20.05.2015). (In Russian)

Smeikalova-Strikland I. Nuzhen li feminizm cheshskim zhenshinam? [Do Czech women need feminism?]. *Antologija gendernoi teorii* [Anthology of gender theory]. Minsk, Propilei Publ., 2000, pp. 373–383. (In Russian)

Solodkova E. V. *Zhenskii avtoreferentnyi diskurs v angliiskom iazyke*. Authoref. diss. kand. filol. nauk [Female autoreferential discourse in English. Thesis of PhD]. Irkutsk, 2012. 22 p. (In Russian)

Temkina A. A. *Feminizm: Zapad i Rossiia* [Feminism: Russian and West]. *Preobrazhenie (Russkii feministicheskii zhurnal)*, 1995, vol. 3, pp. 5–17. (In Russian)

Temnova E. V. *Sovremennye podkhody k izucheniiu diskursa* [Modern approaches to discourse]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiia* [Language, mind, communication]. Moscow, MAKS Press Publ., 2004, pp. 24–32. (In Russian)

Tiupa V.M. *Oчерк современной narratologii* [An essay on the modern narratology]. Available at: philology.nsc.ru/journals/kis/pdf/CS_05/cs05tupa.pdf. (accessed 11.02.2015). (In Russian)

Tiupa V.M. *Narrativ i drugie registry govoreniia* [Narrative and other types of speaking]. *Narratorium*, 2011, no. 1–2. Available at: narratorium.rgu.ru/article.html?id=2027584. (accessed 18.03.2015) (in Russian)

Chernov A. Iu. *Narrativnyi analiz strategii samoraskrytiia zhenshin s lesbiiskoi identichnost'iu* [Narrative analysis of the female self-realisation strategies in women with lesbian identity]. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal* [Russian Psychological Journal], 2009, vol. 6, no. 2, pp. 19–32. Available at: rpj.sfedu.ru/index.php/rpj/article/viewFile/395/607 (accessed 18.05.2015). (In Russian)

Schmid, W. *Proza kak poeziya: Pushkin. Dostoevskij. Cpekhov, avangard* [Prose as poetry: Pushkin, Dostoevsky, Chekhov, avant-garde]. St. Petersburg, Inapress Publ., 1998. 354 p. (In Russian)

Shoualter E. *Nasha kritika* [Our critics]. *Sovremennaia literaturnaia teoriia. Antologija* [Modern theory of literature: Anthology]. Moscow, Flinta Publ., 2004, pp. 314–333. (In Russian)

Becoming Feminists: An anthology of how we became feminists. Eds L.M. Gajardo, J. Ryckman. Toronto, 2011. Available at: oise.utoronto.ca/cwse/UserFiles/File/Becoming%20Feminists.pdf (accessed: 20.11.2013).

Benhabib S. *Feminism and postmodernism: An uneasy alliance*. *Feminist Contentions. A Philosophical Exchange*. Available at: <https://www.marxists.org/subject/women/authors/benhabib-seyla/uneasy-alliance.htm>. (accessed 14.02.2015).

Burke P. *Representations of the self from Petrarch to Descartes. Rewriting the self: histories from the Middle ages to the present*. Ed. by Roy Porter. London, 1997, pp. 17–28.

Butler J. *Gender trouble: Feminism and the subversion of identity*. New York, London, 1999.

Crenshaw K. *Mapping the margins: Intersectionality, identity politics, and violence against women of color*. *Stanford Law Review*, 1991, vol. 43, pp. 1241–1299.

Dekker R. *Egodocuments in the Netherlands from the sixteenth to the nineteenth century. Envisioning Self and Status. Self-representation in the Low Countries 1400–1700*. Ed. by Erin Griffey. Hull: ALCS, 1999, (Crossways vol. 5), pp. 255–284.

Dekker R. *Jacques Presser's heritage. Egodocuments in the study of history*. *Memoria y Civilización. Anuario de Historia*, 2002, no. 5, pp. 13–37.

Dijk T. A. van. *The study of discourse. Discourse as structure and process*. London, Sage, 1997, pp. 1–34.

Greyerz K. von. *Ego-documents: The last word?* Available at: univie.ac.at/igl.geschichte/griesebner/Wise10_11/Materialien_Dipldiss/greyerz.pdf (accessed 14.03.2015).

Herman D., Vervaeck B. *Postclassical Narratology. Routledge Encyclopedia of Narrative Theory*. Eds D.Herman, M.Jahn, M.-L.Ryan. New York, 2005. Available at: books.google.ru/books?id=1O4FzO0ORAAC&printsec (accessed 15.02.2015).

- Jorgensen M. W., Phillips L. J. *Discourse analysis as theory and method*. London, Sage, 2002.
- Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and socialist strategy*. London, Routledge, 1985.
- Leaper C., Arias D. M. College women's feminist identity: A multidimensional analysis with implications for coping with sexism. *Sex Roles*, 2011, no. 64 (7–8), pp. 475–490.
- Ochberg R. L. Life stories and storied lives. *Exploring Identity and Gender*. Eds A. Lieblich, R. Johnson. Thousand Oaks, London, Sage, 1994.
- Spivak G. *In other worlds: Essays in cultural politics*. New York, Routledge, 1988.
- West C., Zimmerman D. H. Doing gender. *Gender and Society*, 1987, vol. 1, no. 2, pp. 125–151.
- For citation:** Magnes N. O. "I Am Sick and Tired of Conforming": On Emancipation Narratives. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 2, pp. 32–48.
DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.204

Сокращения

- AC** — Cranz A. Feminism isn't the problem; the word is. 2012. URL: www.fempop.com/2012/12/10/feminism-isnt-the-problem-the-word-is/ (дата обращения: 20.11.2013).
- BF** — Becoming Feminists: An anthology of how we became feminists. Eds L. M. Gajardo, J. Ryckman. Toronto, 2011. URL: www.oise.utoronto.ca/cwse/UserFiles/File/Becoming%20Feminists.pdf (дата обращения: 20.11.2013).
- JW** — Woods J. C. My feminist revelation at 16. URL: www.womensissues.about.com/u/sty/feminis-mequalrights/WhyIamaFeminist/My-feminist-revelation-at-age-16.htm (дата обращения: 21.11.2013).
- LT** — How did you become interested in feminism? // Форум LibraryThing. URL: www.librarything.com/topic/64402 (дата обращения: 20.11.2013).
- NF** — My click moment // Форум Nerdy Feminist. URL: www.nerdyfeminist.com/2010/05/my-click-moment.html (дата обращения: 22.11.2013).
- RI** — Why are you a feminist? // Форум Reddit. URL: www.reddit.com/r/Feminism/comments/1cg4mc/why_are_you_a_feminist/ (дата обращения: 22.11.2013).

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2014 г.,
рекомендована в печать 25 декабря 2015 г.

Контактная информация:

Магнес Наталья Олеговна — кандидат филологических наук, доцент; duprass@mail.ru
Magnes Natalia O. — PhD; Associate Professor; duprass@mail.ru